

ЦЕЛИТЕЛЬ - 10

Валерий БОЛЬШАКОВ

Валерий Петрович Большаков

Целитель-10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69275968

SelfPub; 2023

Аннотация

Михаил Гарин – "попаданец" со стажем. Адаптация прошла успешно – он вжился в бытие Страны Советов, стал своим. У него полно друзей и высоких покровителей. Живи да радуйся! Наслаждайся всеми бонусами юности. Но для Миши этого мало. Период, когда он щедро делился послезнанием, выдавая грядущие открытия за свои, миновал. Кандидат наук Гарин выбился в молодые ученые, совершив мировое открытие – сам, без шпаргалок из будущего! И завертелись шпионские страсти... Запад очень болезненно реагирует на любой прорыв СССР, всеми силами и любыми способами спихивает нашу страну в разряд отстающих и догоняющих, подчас балансируя на грани "холодной" войны и Третьей мировой. Удастся ли Советскому Союзу выдержать, укрепиться в извечном противостоянии? Отобьется ли Миша от "коварных происков"? Сдюжит ли под напором провокаций, диверсий, подстав? Или отступит, чтобы зализать раны, собраться с силами – и перейти в наступление? Возможны варианты...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Валерий Большаков

Целитель-10

Глава 1

*Пятница, 18 апреля 1980 года. Утро
Минск, улица Подлесная*

...Минские скверы только-только окутываются зеленым лиственным маревом. На яблонях робко набухают почки, лоя неверный сугрев. Без куртки на улицу не выйдешь – зябко, и стылый ветер задувает. В небе – хмарь, на земле – слякоть...

– Слово предоставляется кандидату физико-математических наук Михаилу Гарину!

«А на Украине всё цветет и пахнет...», – перебирал я весенние думки, шагая к трибуне.

Актовый зал во 2-м корпусе МРТИ впечатлял большим и светлым объемом – наружу сквозили не окна даже, а стеклянный фасад от пола до недостижимого потолка, словно забранный в гигантскую раму узкими полуколоннами. И по всему лучистому пространству расходился волнами гул людских голосов.

Зал набился битком, девятьсот мест – и ни одного пустующего!

Первый ряд, как водится, отдали почетным гостям – со сцены я различил и ректора Ильина, и физика Борисевича, рулившего Академией наук Белоруссии, и Колмогорова с Александровым. Академики зажали самого Машерова, и шушукались втроем.

Слава богу, каменеть в президиуме не пришлось, но пригласить ученую братию надо. Как-никак, всесоюзный конгресс посвятили высокотемпературным сверхпроводникам, а уж тут приоритет за вашим покорным слугой – сей факт даже амеры не оспаривали. Мои губы изогнулись в усмешке – хронофизика не скоро станет темой научных сборищ...

– Товарищи!

Шиканье прошелестело от партера к задним рядам, и гомон стих.

– Не буду утомлять вас историей открытия, этапами развития и прочей шелухой, – начал я резво и дерзко. – Сразу отмечу главное – советская наука лидирует в раскрытии секретов сверхпроводимости едва ли не комнатной температуры. Более того, мы первыми в мире реализуем добытые знания. На днях запущена ВТСП-ЛЭП протяженностью два с половиной километра, она соединила две мощные подстанции в Ленинграде.

Обычно ВТСП-кабель создается на основе сверхпроводящей керамики в серебряной матрице, но это, так сказать, тех-

нология первого поколения. А мы уже пробуем наносить керамическую пленку на ленту из никель-вольфрамового сплава...

Говорил я минут двадцать. Рассказал, как в ленинградском Физтехе мудрят над сверхпроводящими магнитами для Новосибирского адронного коллайдера, и бездиссипативными тоководами. В общем, наука на марше.

На место я вернулся под бурные аплодисменты, и плюхнулся, тесня по-барски развалившегося Киврина. Володька тут же пришатнулся, шепча и давясь от хиханек:

– Представляешь, какой бы ор поднялся, объяви ты про ускоритель!

– Тише ты, несерьезная личность! – сердито зашипел я. – Лучше внимай.

– Да кому там внимать! – пренебрежительно фыркнул Киврин. – Отстающим всяким...

После меня выступил Келдыш, Капица-отец и Сахаров.

* * *

В обширном вестибюле с двумя рядами круглых колонн былолюдно, но глаз по привычке выперил Вайткуса – тот подружески болтал с Машеровым. А генсек с жаром убеждал в чем-то техдира.

Старые знакомые, видать. Таких у Ромуальдыча – полстраны.

– Миша! – грянул Вайткус, подзывая. – Етта... Знакомься! Петр Миронович!

– Просто Миша, – я крепко пожал сухую, твердую руку Машерова, и бегло улыбнулся. – До отчеств пока не дорос.

– О, это вопрос времени! – отзеркалил мою улыбку Генеральный секретарь ЦК КПСС. – Послушайте, Михаил... Я тут с Арсением побалакал... Понимаете, для меня очень важна репутация республики. Кто бы что не говорил – или не шипел про мой «бульбашский» национализм, а только вот это всё, – он повел руками в широком жесте, – моя родная земля! Как же за нее не порадеть? Да только «МАЗа» с «БелАЗом» мне мало. Хочется, знаете ли, чего повыше! Я, вот, как послушал вас, так сразу и замечталось мне. Знаете, о чем? О поезде «Москва – Минск», да не простом, а на магнитной подвеске! И чтоб магниты – сверхпроводящие!

– О-о... – завел я, качая головой. – Ну, и размах у вас, Петр Миронович! М-м... В принципе... Фришман в Гомеле, насколько я помню, ставил опыты еще года три назад... А прошлой осенью в Раменском запустили первый вагон на магнитной подушке... ТП-04, по-моему. Но там пути – с полкилометра всего, разогнаться не успеешь. Хотя... – мои губы повело в ухмылку. – Армяне уже всю пробивают строительство первой магнитной трассы от Еревана до Севана, а это километров шестьдесят, как минимум.

– Ну уж нет! – возмутился Машеров. – Белорусы должны быть первее! Михаил, а давайте мы это дело обсудим где-

нибудь... э-э... на природе?

– Давайте, – улыбнулся я.

– Тогда приглашаю всю вашу группу в «Вискули»! – энергично толкнул Генеральный. – Беловежская пуца... Красотища... – искушал он. – Сосны, зубры – и тишина...

– Готов... – разморенно вымолвил Ромуальдыч. – Вези в свою пуцу. И чтобы зубры... Володька! – трубно воззвал он. – Корнеев где?

– Тута! – отозвался Киврин.

– Зови его, и поехали!

– А куда?

– По дороге объясню. Поехали!

Мы всей толпой влезли в старую «Чайку». Машеров уместился рядом с водилой, пожилым, но крепким Евгением Федорычем, а наша четверка разделила салон с охранником генсека, бравым майором Чесноковым.

– Здорово, – загудел Вайткус, поручкавшись с прикрепленным. – И как ты его только терпишь? – кивнул он на посмеивавшегося «Мироныча». – Кorteж, называется...

– Притерпелся, – скупой улыбнулся офицер, подав мне жесткую ладонь. – Валентин Федорович.

– Михаил.

– Владимир, – потянулся Киврин.

– Витя... – ляпнул Корнеев, и побагровел. – Мн-э-э...

Виктор.

Мощный двигун ГАЗ-13 басисто заурчал, и лимузин тро-

нулся, плавно разгоняясь. Вперед вырвалась белая «Волга» без мигалки, но с «крякалкой» СГУ. Вот и весь эскорт.

Тот же день, позже

Брестская область, Вискули

Беловежская пуца – последний клочок древней европейской тайги. По счастью, охотились здесь лишь короли, да императоры. Стало быть, и живность уцелела, и растительность – дровосеков сюда, понятное дело, не пущали. Вот и укрепились в тутошних местах великанские ели в три обхвата, да дубы по шестьсот лет.

Даже воздух здесь иной, напоенный травами, каких в округе не сыщешь.

Выйдя из машины, я постеснялся хлопнуть дверцей – здешняя природа представала в образе именно храма, а не мастерской. Даже от названия здешней охотничьей усадьбы – «Вискули» – веяло древностью, идущей от ятвягов.

– Когда-то Хрущева, прибывшего с визитом в Югославию, Тито позвал на охоту, – оживленно заговорил Машеров, кивая на двухэтажный охотничий «домик», выстроенный в державном сталинском стиле. – Позавидовал Никита, да и решил себе такой же отгрохать. А ему вместо простенькой избушки выстроили какой-то Петродворец! Вот так и маемся... – хохотнул он.

Щурясь на солнце, я оглядел и помпезный павильон, и ос-

новательные коттеджи в сторонке, рубленные из бревен.

– Тишина-то какая... – убавил голос Петр Миронович, и с улыбкой кивнул на парочку прикрепленных, откинувших капот «Волги». – Мои знают уже – раз приехали сюда, то, чтобы никаких транзисторов! Успеют еще музычки своей послушаться, а тут птахи поют...

Ветерок стих, перестав колыхать теплынь, и та сгустилась, ласково обволакивая. Прикрепленные скинули пиджаки, открывая плечевые кобуры, и запустили руки в моторную утробу.

Я улыбнулся: Ромуальдыч уже наводил мосты с кряжистым, заросшим бородой егерем, а Володька с «Витей» выпускали хвосты перед егерской дочкой, краснощекой грудастой блондинкой. Хорошо!

И тут же контрапунктом птичьему пению засвиристели турбины, заколотились лопасти. Роняя свистящий рев и гул, проплыл над деревьями зеленый вертолет с красной звездой на борту.

Глядя из-под руки на «Ми-8», пропадавший за лесом, Генеральный секретарь прокричал, обарывая удалявшийся грохот винтов:

– Пограницы! Тут до Польши километров восемь всего!

– Ку-уша-ать! – разнесся зов.

Давешняя дивчина, румяная и синеглазая, с густой гривой волос цвета спелой соломы, приглашала за длинный «монастырский» стол, накрытый в павильоне. Голодный позыв

скрутил нутро.

На расписных блюдах парили желтые, обсыпанные зеленым укропом, клубни «бульбы» – они сахарились и блестели, оплывая тающим маслом. Одурающе пахли сочные колбаски и щедро нарубленные куски жареной кабанятины. Ну, и водочка с ледника, куда ж без нее, а, для городских коньячков припасен.

– Ну, Мируныч! – восхитился Вайткус. – Ну, вообще!

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны! – посмеивался Машеров, плеская «Столичную» по мелким стакашкам. – Ну, будем!

Хлестко клацая, сошлась стеклопосуда. Армянские «пять звездочек» согрели меня, растекаясь и чуток кружа голову.

Что может быть лучше вареной картошечки? Только вареная картошечка с хрусткой капусточкой...

– Помню, фрицы как-то наш лагерь заприметили, и «Юнкерсы» наслали, – прижмурился Петр Миронович, хрупая огурчиком. – Ну, короче, отбомбилась немчура. У нас только деда одного оглушило, а вот зубра приبلудного – наповал! Ох, и досталось же нам тогда мясца... И жарили мы его, и варили, и коптили! Да-а... Коль, не смотри на меня так, – заворчал он, – включай свой телик.

– Да там новости как раз, – оживился смущенный Николай, молоденький офицер охраны.

– Включай, включай...

«Рубин Нео» на старомодном комоде ожил, расцвел крас-

ками, а тут и голос диктора прорезался:

– На Минском автомобильном заводе освоен выпуск микрогрузовиков, прозванных в народе «полуторками»...

– Пр-равильно! – энергично кивнул Машеров. – А то гоняют пятитонный «ЗиЛ» за всякой ерундой!

– Продолжаются учения «Щит-80», – приняла эстафету строгая Анна Шатилова, похожая на завуча. – Министр обороны ПНР Войцех Ярузельский встретился с маршалом Куликовым, главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора...

На экране высокий, нескладный поляк в черных очках старательно улыбался и тряс руку коренастому маршалу, а на заднем плане газовали танки. Свеженькие «Т-80», только что с Урала, лихо прокатывались по улочкам польского местечка, с ленцой пошевеливая башнями. Десантники весело скакали с брони, а туземное население робко помахивало им, будто прячась от недобрых глаз.

– Танкисты прославленной Кантемировской дивизии входят в город Бяла-Подляска, – жестко комментировала дикторша. – В тысяча девятьсот сорок четвертом году полки дивизии, тогда еще 4-го гвардейского танкового корпуса, заслужили почетные наименования Шепетовского, Житомирского, Тернопольского – за мужество и героизм, проявленные при освобождении городов Советской Украины. А за освобождение Кракова корпус был награжден орденом Ленина. И вот танки кантемировцев снова на польской земле – во-

оруженные силы СССР, Польши, Чехословакии и ГДР принимают участие в военных учениях «Щит-80»...

– И не придерешься! – хохотнул довольный Ромуальдыч. – Какое такое вторжение? Ученья идут!

– Да-а... – помрачнел Петр Миронович, качая головой. – Вот же ж, людишки... Немцы – вояки, но в спину нам не стреляли, как пшеки!

Глянув на Володьку с Витьком, я кисло улыбнулся. Для них откровения генсека звучали дико – нынешнее поколение знало поляков, разве что по сериалу «Четыре танкиста и собака». А как можно ненавидеть пана Владека или пани Монику из «Кабачка «13 стульев»?..

Мои дедовские мысли оборвала очередь из автомата. Лопнул кинескоп, брызгая осколками. Вздрогнул и поник Николай – белая рубашка страшно набухла алым. Его напарник успел выхватить табельный «Макаров», но пуля из «калаша» оборвала пульс.

– Рэце до гори! – разнесся гортанный грубый голос. – Руки вверх, российски швыни!

Человек восемь пшеков в мешковатом камуфляже заполнили собой всё, забежали, затопали кованными башмаками, завоняли...

Рука Чеснокова дернулась на рефлексе, спеша выцепить «Стечкин» из хитрой кобуры за спиной.

– Не время, Валентин Федорыч! – процедил я, рыская глазами по обветренным, но сытеньким мордам напавших.

– Да... – выдохнул майор.

– Что происходит? – рывкнул Машеров, привставая.

Самый большой и грузный из поляков глумливо ухмыльнулся, и ткнул толстым пальцем в манере Вия:

– Вот он!

Двое в изгвазданных «камках» моментально схватили Петра Мироновича.

– По какому праву... – каркнул генсек, вырываясь, но договорить не успел – немытый кулак ударил его под дых.

– По праву панов, быдло! – лязгающим голосом выдал грузный, и скомандовал: – Увести!

– А этих? – мотнулось дуло автомата у подручного.

– Они большие ученые... – со стоном выдавил Машеров, согнувшись в лапах боевиков.

– Большие ученые жрут яблоки моченые... – старшак задумчиво почесал за ухом, решая нашу судьбу, и махнул рукой: – И этих до кучи! Шибко, шибко!

Тумаками и прикладами нас выгнали во двор. Около «Волги» корчился бородатый егерь, зажимая руками распоротый живот. Повар в белом колпаке лежал недвижимо, уставив в небо широко раскрытые глаза.

Пахло потом, бензином и гарью.

Пара деревянных коттеджей уже пылала, а тощий дрыщ в камуфляже деловито обливал «Чайку» из канистры.

– Дошч, Яцек, – обронил командир боевиков. – Отходишь!

Дрыщ угодливо поклонился, боднув воздух головой, и

бросил зажженную спичку. «ГАЗ-13» полыхнула.

А я будто замертвел. Ни страха не испытывал, ни бешенства. Просто запоминал с холодной ясностью всё вокруг – мерзкие рожи торжествующих подонков, покойные лица убитых, горящий дом, заполошные крики, словно на съемках фильма «про войну»...

Напряженное тело было готово взорваться движениями, но рано, рано... Какой бы быстротой ты не хвалился, а пуля всё равно догонит.

Нас выстроили колонной, и повели. Вороненые стволы хищно кивали – шаг влево, шаг вправо... Memento mori.

Впереди брел Машеров, шаркая модельными туфлями. Конвоиры по очереди цеплялись за Генерального, и толкали, придавая ускорения. Следом косолапил Ромуальдыч – бесстрастный, как ирокез, привязанный к столбу пыток. Он щурил глаза, будто целясь. Скользнул взглядом по мне, и чуть заметно качнул головой. Не вздумай, мол. Я опустил веки, соглашаясь потерпеть.

За мной шагали, сбиваясь в кучку, Чесноков, Корнеев и Киврин.

– Ядвига... – сипло вытолкнул Виктор. – Она... Ядзя в них из отцовской двухстволки, а они...

– Гады, – процедил Владимир.

– Молчат! – рявкнул дрисливый Яцек по-русски, но с противным местечковым акцентом, и саданул прикладом Киврину по почкам.

Старший научный сотрудник упал на колени, но шустро встал, кряхтя и кусая губы.

Миновав огромные, как пагоды, двухвековые ели, мы выбрались на просторную поляну, посреди которой свесил лопасти вертолет.

– Грузимся! – скомандовал старшак. – Бегом!

Я упал на жесткую откидную скамейку. Гулкие недра «вертушки» задрожали, полнясь надсадным воем турбин. Боевики, затолкав наших, согнали меня на пол, заняв сидячие места.

Поерзав, мне удалось привалиться к широкой спине Чеснокова – и в поясницу уперся «Стечкин».

– Чуешь? – шевельнул губами майор.

– Чую, – вымолвил я.

Двигун взревел, раскручивая хлещущие воздух лопасти. «Ми-8» наклонился, и взлетел, трепля верхушки ёлок и стряхивая с них хвою.

– До дому! – гаркнул старшак, и загоготал, хлопая себя по коленям. – Курс на заход!

Глава 2

Пятница, 18 апреля. Вечер
Польша, Августовская пуца

Вертолет летел понизу, скользя над бесчисленными озерами и топями – тяга секущего винта теребила камыши и распускала рябь по волнам. Пилот старательно уводил «Ми-8» от редких дорог, от костелов, торчком встававших на плоскости Мазурских болот.

Впрочем, картину, открывавшуюся за пыльным иллюминатором, не назовешь безрадостной – земли и воды польской окраины выглядели живописно. Торфяники да верещатники перемежались роскошными сосновыми борами, а обливная влага то отражалась просторным зеркалом, то рассыпалась тысячью блесток – сущий кошмар для топографа. Попробуй-ка, нанеси на карту причудливые берега тутошних заводей, извивы речушек и проток, несчетные прудки!

Судя по солнцу и по времени лёта, винтокрылая машина уносила нас куда-то в район Сувалок, а пейзажами я любовался в те моменты, когда вертолет слегка кренился на вираже.

Боевики дремали, но бдели, приглядывая за пленниками... Да чего уж там – нас взяли в заложники. «В нагрузку»

с Машеровым.

«Эх, Петр Миронович, Петр Миронович...»

В моей прошлой жизни тыща девятьсот восьмидесятый стал последним для персека – осенью он погиб в автокатастрофе. А всё из-за легкомыслия! Старый партизан стеснялся выезжать «при полном параде». Без замыкающего авто, без лидирующего... Вот, если бы впереди мчался «Зил-117», то удар «газона», везшего картошку, принял бы он, а не «Чайка».

Ныне Машеров вознесся в Генеральные секретари, а привычки остались прежними. Генсеку полагались четыре лимузина в кортеже и десять охранников! Одолели бы их пшки? Да ни в жисть!

Тут я ощутил мучительное чувство падения, как во сне – «Ми-8» шел на посадку. Замерев в воздухе, «вертушка» коснулась земли, и грузно осела.

– Выходим!

Боевики пинками подняли «больших ученых» и выгнали наружу. Пригибаясь под разлетом лопастей, я отбежал грузной трусцой, и завертел головой, осматриваясь.

Нас высадили на холмистом островке, заросшем вереском. Кое-где траву прорывали серые ноздреватые глыбы – не то скалы, не то валуны. Ближе к берегу озера дыбились руины тевтонского замка из красного кирпича. Остатки крепостной стены возвышались в полтора человеческих роста, а единственная башня с верхом, изгрызенным временем, до-

стигала метров пяти.

Перехватив смятенный взгляд Киврина, я подмигнул. Володя неуверенно шевельнул губами, словно опасаясь улыбки. А Витька свои губы сжал, чтобы не тряслись.

«Всё будет хорошо, – подумал я с вызовом, – и даже лучше!»

«Ми-8» зарокотал, плавно ввинчиваясь в небо, и улетел, некультурно развернувшись хвостовой балкой.

– Шибче! – буркнул давно небритый, губастый Збигнев, направляя нас к развалинам громадного донжона. С пока-того склона холма я высмотрел большое озеро, плескавшееся вокруг – и тонкий перешеек-загогулину, песчаную косу с растрепанными соснами в рядок. Коса «швартовала» остров у лесистого «причала» – берег тянулся, да выгибался метрах в ста за озерной гладью.

М-да... Вроде, и есть, куда бежать, но весь перешеек – в секторе обстрела. Снять беглецов – нечего делать...

– Ходчь! – пихнул в спину Збышек.

Я прибавил шаг, косясь на яркие палатки, выставленные в низине. А боевики не сильно-то и шифруются. Никаких тебе схронов – туристы стали лагерем, и культурно отдыхают...

Откуда-то из подземелья вынырнули еще четверо «отдыхающих» в одинаковых комбезах, но в разных головных уборах. Один щеголял в старенькой конфедератке, лысый череп другого покрывала обычная шляпа с обвисшими поля-

ми. Третий носил фуражку без кокарды, а четвертый и вовсе нахлобучил кепку-шестиклинку, да еще и роскошный чуб выпустил, походя на удалого тракториста.

Поляка в фуражке я узнал сразу – Томаш Платек собственной персоной, – но виду не подал. Когда-то Томек гонялся за мной во славу «Опус Деи», а позже присягнул в верности, но чьих он теперь?

Четверка деловито и сноровисто обыскала похищенных, скидывая в картонный ящик всё подряд – пачки сигарет и спичечные коробки, документы, мелочь... Туда же полетел и «Стечкин» в кобуре.

– Томусь! – крикнул старшак, закидывая автомат за спину.

Из того, что он добавил на польском, я не понял ни слова, а Платек бросил к фуражке два пальца, и махнул рукой в приказном жесте: шагом марш, без разговоров.

По выщербленным каменным ступеням мы спустились в подвал, окунаясь в холод и сырость. Желтый свет фонарика заскакал по сводам коридора, мазнул по толстым прутьям, зарешетившим камеры – настоящие узилища, каменные мешки с кольцами, вделанными в кладку, да с проржавевшими цепями.

Вряд ли сей обезьянник сохранился со времен великого магистра Зигфрида фон Фейхтвангена, но свирепым романтизмом повеяло – так и мерещатся прикованные скелеты...

– Ты и ты! – гулко велел Томаш, загоняя в темницу Ма-

шорова с Чесноковым.

Лязгнула, скрежетнула с завизгом низенькая дверца, сваренная из арматуры. Запиралась она на засов, да только изнутри открыть – проблема. Разве что орангутан дотянется, у него лапы длинные.

– Ты, ты и ты! – зиндан по соседству заняли Вайткус, Киврин и Корнеев.

А меня поместили в «одиночку».

– Ты! – рокотнул Платек, сжимая мое плечо, и быстро прошептал: – Загляну позже!

Я молча, сгибаясь в три погибели, пролез в мрачный застенок. Сколоченный из досок топчан – вот и вся меблировка. Вонючая дыра в каменном полу – вот и все удобства.

Окружающую тьму слегка разбавляли отсветы фонарей, а тишину – слабые эхо невнятных голосов.

«А вот тебе и ретрит, – вяло подумалось мне, – сиди и медитируй вволю...»

Примостившись на ложе, я выдохнул, унимая взвинченность. Раздерганные, заполошные мысли потекли спокойней.

Я ни на кого не надеялся, ни на Платека, ни на друзей. Понятно, что нас будут искать, но сидеть и ждать подмоги – дело гиблое. Не ясно даже, кому мы занادобились. Польская оппозиция – тот еще гадюшник. Сборная из церковного отребья, продажных профсоюзных бонз, неопилсудчиков... И все лезут наверх, по головам, поближе к кормушке, чтобы

всеми конечностями хапать слетающие доллары и фунты.

Мои губы перетянуло кривой усмешкой. Володька с Витьком до сих пор в шоке, а вот меня давно уж отпустило. Опыт был.

Покидало меня изрядно, и сам убивал, и меня убивали... Но промахивались пока.

Я согнал напряг, усаживаясь в «позу кучера». Не след измучивать себя лишними переживаниями. Уж коли влип, то будь настороже – и в полной боевой.

Больше часа по коридору шатался Збигнев, нацепивший кобуру с трофейным «Стечкиным». Он без перерыва смолил дешевое курево, и в моменты затяжек калившийся кончик сигареты подсвечивал круглое, плоское лицо.

Мои глаза привыкли к темноте, и улавливали малейшие отблески уходящего дня. Похоже, что коридор продолжался дальше, загибаясь буквой «Г» – оттуда тянуло сквозняком, а в воздухе реяли закатные краски. Запасный выход?

Бубнившие голоса доносились оттуда же. Порой наплывали запахи съестного, слегка возбуждая желудочно-кишечный тракт, но шлейф горелого и кислого перебивал всякий аппетит.

Я замер. Глухая скороговорка – и окурок ударился о каменные плиты, роняя оранжевые искры. Мимо камер засновала иная тень.

Шаркнул ботинок. Сдержанное дыхание послышалось совсем рядом, даже мурашки пошли по спине.

– Миха... – опал шепот.

Упруго встав, я шагнул к решетке.

– Привет, Томаш.

– Привет. Я тут... В общем, я не с группой Малютки Гжеся. У меня свое задание. Гжегож ждет важного гада – и я тоже...

– Понимаю, – мой кивок был невидим. – Гжегож... Здоровый такой, толстый?

– Он. Я, когда в Польшу вернулся... Тут только с виду всё спокойно. «Зомовцы» разогнали «Свободные профсоюзы Побережья», похватали многих из «Комитета социальной обороны», так уцелевшие спелись! Кто в подполье сейчас, а кто в боевых мобильных группах. Нападают на ваших, а сами стреляют в своих, чтоб визжать потом о «зверствах советских оккупантов»!

– А кого ждут?

– Яна Рулевского, он сейчас заместо Леха Валенсы... Тсс! – Платек затих, вслушиваясь, и быстро договорил: – Всё, надо идти. Да, забыл сказать – второй прут с краю вынимается...

Оттолкнувшись от решетки, Томаш будто растворился в черноте. Гортанный окрик... Сердитый говор...

И по коридору затопал Яцек. Пакостливо ухмыляясь, он светил в глаза «зэкам».

– Слышь, ты? – гулко разнесся голос Вайткуса. – Ты етот фонарь в дупу себе засунь!

Дрыщ явственно хихикнул. Свет погас, зато ствол «калаша» прошелся по решетке, выбивая дребезжащий звон.

– Не шпи, швыни!

Желтый луч фонарика тускло мигнул, мотнувшись по ступеням, и Яцек поднялся наверх. Я выждал минут пять.

Спасибо дрыщу, хоть осветил темницу. В углу валялась куча тряпья и дырявое одеяло с разводами плесени. Соорудить инсталляцию «Спящий узник» было минутным делом.

Повертев, пошатав второй с краю холодный стержень, сыпанувший чешуйками ржавчины, я вытянул его из скважины, пробуренной в полу, и протиснулся по ту сторону решетки.

Звякнул, неслышно отпустив матерок, и бережно вернул на место увесистый штырь.

«Типа, свободен...»

Я понимал, что действую наобум, но смирно сидеть, когда есть возможность хотя бы мнимой воли... Не утерпел.

Крадучись, свернул за угол. Коридор расширялся, выходя к тупичку – через широкий пролом в стене слышалось журчание воды. Видел я смутно – закуток освещался огнем крошечного очага, обложенного битым средневековым кирпичом. Хворост догорал, и ладони сами потянулись к слабому теплу.

– Это ты, Стась? – буркнул Збышек, шаркнув за моей спиной.

Мгновенный испуг сработал как взрыватель. Развернув-

шись, я ударил боевика в горло, сложив пальцы в «они кен» – и пораженно вздрогнул. Неужто вернулось утраченное?

Костяшки вошли в мускулистую шею, как в густой холодец. Трахея лопнула, словно смятый бумажный стаканчик, позвонки хрустнули ломкими сухариками.

Закидывая подрубленную голову, боевик беззвучно повалился на пол, а я, задыхаясь от прилившего адреналина, обшарил мертвое тело. Сдернул ремень с кобурой, суетливо нацепил на себя.

Унимая дыхание и торопливый перестук сердца, я прислушался. Сквозь щель в своде, куда завивался дымок очага, слышались отдаленные голоса – мобгруппа изображала посылки туристов.

Вдо-ох... Вы-ыдо-ох...

Подхватив труп, я доволол его до щербатого проёма в стене, и перевалил в бурливую протоку. Збышек канул, уносимый течением.

Отпыхиваясь, я счастливо улыбнулся. Не-ет, товарищи, упорные занятия каратэ тут ни при чем! Да я пшеку чуть башку не снес! Это сверхскорость, как раньше... Очень даже вовремя

– Вооружен и очень опасен! – прошептал я, нервно хихикнув.

Плана по-прежнему не было. Бежать «на рывок»? Пробыться с боем? Ага, с пистолетом наперевес – против взвода автоматчиков!

Вопрос: уцелеет тогда хоть кто-нибудь, кроме тебя?

Ответ отрицательный...

Выдохнув, я вернулся к камерам.

– Петр Миронович! – уплыл тихий зов.

– Миша?!

– Я, я... Тут, среди чужих один свой есть, – коротко изложив сидельцам последние известия, я сунул сквозь прутья кобуру с пистолетом. – Держите. Пригодится в хозяйстве...

Расслышать легкие шаги Яцека мне не удалось, зато дуло автомата, упертое под лопатку, ощутил четко.

– Рэце до гори!

Тот же день, ранние

Москва, площадь Дзержинского

Иванов нервно перелистал пухлое досье. Фотографии, черно-белые и цветные, выпадали сами, словно дразня.

«До чего же похожа...» – затрудненно вздохнул генлейт.

Проклятая проблема выбора снова накрывала его своей леденящей тенью, а увильнуть – никак...

Толстая дверь заглушала шаги, но вот она скрипнула, отворяясь, и Елена фон Ливен перешагнула, даже так – перепорхнула порог.

– Приве-ет! – запела девушка в цвету, порываясь чмокнуть «Борюсика». Тот уворачивался, но довольно вяло, так что от прицельного поцелуя не ушел. – Твой водитель всё

торопил меня, торопил... Я уже невесть что подумала! – она сощурилась. – Ты чего такой скучный?

– Машерова похитили, – разлепил губы Борис Семенович.

Елена мигом построжела, а зоркие глаза глянули внимательно и цепко.

– Кто?

– Поляки, – буркнул Иванов. – Высадились с вертолета под видом пограничников, и похватали. И генсека, и его телохрана, и четверых ученых. Мишу Гарина, в том числе.

– Я согласна! – выпалила Фон Ливен.

– Да подожди ты! – рассердился хозяин кабинета.

– А чего ждать? Рассказывай, давай!

– Да что там рассказывать... – начал генерал-лейтенант брюзгливо, но Елена оборвала его нетерпеливым жестом.

– Подробности потом! Зачем тебе я?

Борис Семенович тяжело поднялся, засопел – и сел обратно. Сцепил пальцы, и уронил руки на столешницу.

– Там всякие недобитки, что убереглись от ЗОМО и Службы Безопасности, сколотили новое движение. «Свобода и Солидарность» называется...

– Сокращенно – «СС», – недобро усмехнулась Елена.

– Что? – выплыл Иванов из тяжких дум. – А, ну да... У этих... э-э... «эсэсовцев» десятка два мобильных боевых групп. Вот одна такая и взяла наших в заложники... Первым дозвонился раненый водитель Машерова. Доложил... Мобгруппа напала на «Вискули». Двое убитых – повар и егерь.

Дочка егеря в реанимации. Ну, пожгли, как водится, нагадили... Андропов позвонил... Приказал найти наших. Я как будто против! Всех оперов ввел в курс дела. Ребята – молодцы, сразу всё прочухали, и тут им крупно повезло. Устроили облаву в Августове, и попалась одна дамочка... «Эсэсовка». Ирена Зарембская, – он нахохлился, глядя исподлобья. – Смотрела «Ставку больше, чем жизнь»? Там наши поймали немецкого офицера, Ганса Клосса, что ли, а он – копия нашего разведчика...

– Короче, Склифосовский, – мягко улыбнулась Елена. – Я похожа на Ирену?

Борис Семенович придвинул фотки. С них томно улыбалась или надменно щурилась красивая молодая женщина.

– Ага... – вытолкнула Фон Ливен, перебирая снимки. – Оттенок волос темнее моих, надо покрасить... Угу... И прическа другая... А где сама Ирена?

– Здесь, – вздохнул генлейт, чувствуя себя неловко, да и просто погано. – Во «внутрянке».

– Мне нужно незаметно понаблюдать за нею на допросе, – деловито сказала Елена, откладывая фото. – Какие у нее манеры, жесты... Какой голос, говорит как...

– Для того ты и здесь, – вздохнул Иванов, понурясь.

Девушка вскочила, и притиснула его.

– Спасибо! – заворковала она. – Спасибо тебе!

– Дура... – печально вздохнул мужчина. – Там же убить могут.

– Боречка, – ласково засюсюкала Фон Ливен, – я, конечно, не бессмертна, но сжить меня со свету очень даже не просто. Сама кого хочешь сживу! Всё, хватит болтать попусту. Пошли, послушаем, как эта... С-с-ирена поет!

Вечер того же дня

Польша, Августовская пуца

Расслышать легкие шаги Яцека мне не удалось, зато дуло автомата, упертое под лопатку, ощутил четко.

– Рэце до гори!

Вбитый тренировками рефлекс сработал тут же.

Молниеносно разворачиваюсь – ствол скользит по спине. Если у дрыща хорошая реакция и он выстрелит, пуля попортит куртку...

Бью без замаха, локтем в шею...

Поправка – я не учел малый рост Яцека... Удар пришелся в ухо – череп вмялся с противным мокрым хрустом...

В темноте я сумел поймать АКМ, и отшагнуть – мертвяк выстелился на каменных плитах.

– Ромуальдыч!

– Егта... Ты?!

– Держи! – автомат грякнул, задевая решетку. – И спрячь пока.

Твердые пальцы Вайткуса на мгновение сжали мою руку, благодаря. А я, облизывая сухие губы, поволок Яцека к зна-

комому пролому, благо «груз 200» легкий.

«Темно... – шарахались мысли. – Ночь скоро... Заметят пропажу бойцов? Будут искать? Мало ли... Может, те храпят в палатках...»

Покойник нырнул в воду без всплеска и брызг. Подвсплыл, отсвечивая пузырем «камка», и пропал.

«Всё, хватит приключений на нижние девяносто...»

Я шустро отворил «черный ход», проникая в свою предварилку, и вставил прут на место. Напряг слух, выхватывая из вечернего затишья тихий одинокий голос, прерывистый писк рации и даже перебор гитарных струн.

«Утро вечера мудренее?...»

Мне снилась Марина.

*Суббота, 19 апреля. Утро
Первомайск, улица Киевская*

Малолетний Искандер мальчиком рос ласковым и понятливым. Не капризничал, не ныл, не падал в магазине на пол, визжа и топая ногами: «Купи! Купи! Купи!»

Паки херувим.

Правда, порой на Сашу находило, и тогда в упорстве и настойчивости он мог превзойти и папу, и даже маму. Вот, как вчера.

В знойном Багдаде Искандер ибн Джирджир ни в чем не знал отказа, но такого яства, как баранки, у арабов не во-

дилось. Стоило же Марине прикупить «бубликов», как Ершов-младший тут же уяснил, в чем смысл жизни. За вечер он сгрыз все баранки, и сидел скучный, в сотый раз затягивая:

– Да-ай бубу!

А Марина в сотый раз отвечала, что нету, кончились, ты всё съел, мелкий жрун, но утром мама купит целую связку «бубликов»...

Искандер горестно кивал, понурясь. Вздыхал, и твердил, как пароль:

– Понимаю, понимаю... Да-ай бубу!

Так, под душераздирающие вздохи, и заснул. С мечтой о баранке.

В субботу садик не работал, а единственная бабушка Долорес, прописанная в Ленинграде, никак не могла оторваться от переводов Федерико Гарсиа Лорки, чтобы заняться, наконец, истинным призванием всех советских бабушек – тетешкать любимых внучат.

Но «Росита» нашла выход, обратившись к родственницам не по крови, а по духу. Рита с Настей с удовольствием взялись воспитывать малыша. Шурик, он же «херувимчик», он же «мелочь пузатая», он же «попа самоходная» (в зависимости от настроения), с удовольствием позволял себя укладывать спать, кормить и выводить гулять – «Лите» и «Насе» он доверял...

По выходным в секретном «ящике» не слыла тишина. Конечно, мало кто являлся в субботнюю рань, но часам к десяти половину сотрудников легко было найти на рабочих местах. В аналитическом отделе, в техническом, у программистов или у эксплуатационников... Да везде! И лишь в лаборатории локальных перемещений, вокруг которой всё и вертелось, слыла тишина.

Миша выехал в командировку. У него там, в Минске, научный конгресс...

Марина набрала код, и открыла дверь. В гулкой тишине высылся ускоритель тахионов. Ершова кивнула своим мыслям: и впрямь, похоже на космический корабль. Вот-вот решетчатые стойки раздвинутся, откроется люк на крыше, и загрохочут двигатели на старте...

Женщина вздохнула. Странная эта жизнь...

Почему-то нельзя быть вместе с человеком, которого любишь. Вечно какие-то преграды, препоны, предрассудки... И ты поступаешь единственно верным образом – никакой аморалки, а счастья нет...

Гулкие шаги в коридоре сбили настрой. Марина выглянула – и воскликнула удивленно:

– Игорь Елисеич? Вот это да! Вы опять к нам?

– Опять! – посмеиваясь, развел руки Синицын. – Поверите ли, даже малость заностальгировал по здешним местам! Я сюда автобусом, из Одессы, вчера только приехал. Кстати,

будет время – забегайте! Адрес вы знаете.

– Опять на Мичурина?

– Снова, Мариночка, снова! И Вальцев там, и Славин, майор уже, и Славина... – Синицын задорно подмигнул.

– Наташка? – ахнула Ершова, захлопав в ладоши. – Вот молодцы! Обязательно зайду. – Внимательно посмотрев на Игоря Елисеевича, она встревожилась: – Что-то случилось?

Ее визави закрихтел.

– Да как вам сказать... – промямлил он. – В общем, я тут как бы замещаю Бориса Семеновича, а сам он... М-м... У него секретное задание, Марина. Об этом в новостях не сообщали еще... Польские боевики похитили Машерова. А с ним еще несколько человек. Прикрепленного и ученых...

– Миша... – побледнела Марина.

– Да, – признал Синицын, отворачиваясь, словно стыдясь собственного благополучия. – Вы только не волнуйтесь, Мариночка, их ищут! И обязательно найдут! В Польше работают «Царевичи», и Рустам с Умаром – вся наша «великолепная пятерка»! Простите, – он смущенно прижал пятерню к груди, – не хотел вам рассказывать о захвате, но тогда... вышло бы нечестно!

– Всё нормально, Игорь Елисеевич, – женские губы дернулись, складываясь в искусственную улыбку. – Переживать за мужчин – извечный женский удел. И спасибо, что не скрыли ничего!

Неловко поклонившись, гость удалился, а Марина поспе-

шила в первый отдел. Привалов где-то бегал, но «Коминтерн-2» работал – тарашил экран монитора.

Присев, женщина опустила пальцы на клавиатуру, и набрала электронный адрес Рехевама Алона. Письмо получилось коротким, как сигнал SOS:

«Рабби!

Поляки похитили Миху вместе с генсеком Машеровым. Наши ищут его, но мне будет спокойнее, если и вы подключитесь к поискам. Тем более что я знаю, кто из похищенных важнее для вас.

Росита»

Глава 3

Суббота, 19 апреля. Утро
Польша, Августовская пуца

Проснулся я затемно – сложновато почивать в позе эмбриона. А иначе не согреешься. Пар изо рта не шел, но стылая сырость, как в глубоком погребе, донимала.

Скинув с себя заплесневелое одеяло, я сел и отер ладонями лицо. Горячим толчком вспомнилось вчерашнее, и губы повело в злую улыбку.

«Мне отмщение, и аз воздам. Так воздам, что мало не покажется!»

Мелькнула мысль, что свой житейский долг я выполнил и перевыполнил. Старинное научение отдает наивом даже без купюр: «Мужчина должен построить дом, вырастить сына, посадить дерево и убить врага». Ну, недвижимости у меня хватает, да и саженцев на субботниках повтыкал изрядно... Сын растет, хоть и нечаянный. А уж вражья я схоронил... Целое кладбище.

Хотя вчерашние двое, помноженные на ноль, все же не справедливый размен – за смерть хорошего человека, вроде егеря в Вискулях, надо выпиливать десятки негодяев. Чтобы всё было по-честному.

«Ничего, выпилим», – подумалось мне.

О том, что я обрел некогда утерянное оружие, незримое, но весьма действенное, никому не догадаться. А подсказок не будет.

Пуškai чешут маковки, гадая, куда это запропали губастый с дрисливым! Неизвестность пугает сильнее явной опасности.

Поприседав, я отжался раз тридцать, лишь бы согреться, и подумал, что мои тренировки вполне могли растормозить подкорку – и вернуть навык сверхскорости. В самом деле, «пустая рука» развивает быструю силу и реакцию, мышцы со связками делаются крепче...

Моя ситуация смахивает на восстановление человека, обездвиженного инсультом. Будешь упорно заниматься – встанешь и пойдешь!

– Эй! – раздался грубый голос, и зажегся фонарь, обжигая светом. – Три шага назад!

Моргая и морщась, я исполнил приказ. Грюкнул засов, и в камеру просунулся дюжий боевик. Мрачно глянув на меня, он выставил бутылку минералки и пакет хлебцев.

– Жри! – буркнул он.

Напарник, переминавшийся в коридоре, опустил автомат, выпуская «кухаря».

– Дзекую, – вежливо поблагодарил я.

Автоматчик пристально глянул на меня, и отвел глаза. Брякнул засов.

«Интереснейшее племя – ляхи, – размышлял я, хрустя хлебцем, – лилипуты с самомнением великанов. И уроки не учат! Сколько раз чванливая шляхта с имперскими замашками выводила из себя соседей? Трижды делили Польшу, а пшеки никак не уймутся! Какой-то у них комплекс национальной неполноценности... «Польска од можа до можа»! Да не просто от Балтийского до Черного, а и до Адриатики, чтоб и Румынию хапнуть, и Югославию с Чехословакией! И Белоруссию им подай, и Прибалтику, и даже Финляндию. А не сбылось, не стала Варшава столицей великой державы – и страдает «Гиена Европы», мается неумемной гордыней...»

Позавтракав, я ополовинил бутылку нарзана. В сознании бродили яркие воспоминания о жареных колбасках... Но облизываться позже будем.

Бледно-розовый луч зари осветил свод коридора, и тут же, словно дождавшись сигнала о восходе солнца, послышались торопливые шаги.

Томаш Платек пришатнулся к решетке, расплываясь в откровенно людоедской улыбке. В руке он сжимал АКМ, еще один автомат висел за спиной. Да пара «рожков» за поясом...

Что-то грядет?

– Миха! – торопливо заговорил Томек, оглядываясь. – Катер показался, с «гостями»! Я их встречу салютом! – он качнул «калашом». – Станет очень шумно...

– ...И мы, в суматохе... – я жестом изобразил зигзаг.

– Да! – выдохнул поляк. – Больше ничем не помогу!

– Дзекую! – ухмыльнулся я. – Удачи!

Мы крепко пожали руки через решетку, и Платек широко пошагал вон.

«Надо закругляться. Погостили, и будя...» – мелькнуло в голове.

Минуты не прошло, как боевики забегали, наводя суету. Пропыхтел вразвалочку давешний «кухарь», закидывая «Калашников» на жирное плечо. Гомон голосов наплывал снаружи волнами, и вот на них наложился рокот мощного мотора.

«Пора!»

Я резво вынул прут, бочком выскальзывая в коридор. Пробежался на носочках, сдергивая засовы – и слыша, как радостно голоса идут наверх.

– Ромуальдыч! – окликнул тихонько. – Федорыч!

– Егта... Строимся! Хе-хе...

Первыми в дверцу просунулись Корнеев с Кивриным, помятые и растрепанные. Следом, кряхтя, вылез Вайткус с «калашом», болтавшимся на шее.

– Что за шум, а драки нет? – вытолкнул он, кивая на выход.

– Щас будет, – по моим губам зазмеилась нехорошая улыбка.

Показался осунувшийся Машеров, за ним маячил Чесноков со «Стечкиным» в опущенной руке.

– Подвел я вас, ребята... – заохал генсек.

– Не говорите ерунды, Петр Миронович, – неожиданно высказался Киврин. Володька хотел развить тему, но ему помешали – по ступенькам, пригибая голову, ссыпался Малютка Гжесь.

– Не стрелять! – выдохнул я, бросаясь навстречу старшаку.

Командир мобгруппы, оживленный, весь на позитиве, не сразу сообразил, что происходит. Лишь долю секунды спустя до него дошло – морда покраснела, кривясь от напряжения и гнева, толстые пальцы суматошно лапали кобуру, но я уже был рядом, с разгона всекая кулак в солнечное сплетение.

Вислое брюхо не ослабило удар – жировые складки с кишками сотряслись, плющаясь и лопаясь, и я тут же саданул по печени, уже не кулаком, а сводя пальцы в «остриё копья».

Плотная ткань комбеза и трепещущая кожа разлезлись, как сырые промокашки. Содрогаясь от гадливости, я выдернул ладонь из красно-сизого месива, а Гжегож сполз по стене и завалился набок, мерзко чвакая развороченным нутром.

– Готов! – выдохнул майор.

До чего ж не хотелось демонстрировать свои умения, если бы только кто-нибудь знал! Ну, а как еще?

– Здоровски! – слабо выдохнул Корнеев, и сглотнул, бледнея впрозелень.

Ромуальдыч с Федорычем, не сговариваясь, вытянули большие пальцы: люкс!

– Да ну вас, – буркнул я, кривясь. Кое-как обтер руку, и, не

сдерживая злости, выдернул «калаш», придавленный грузной тушей.

Снаружи радостно взревели – и тут же затарахтел автомат.
«Время, время!»

Я стартовал по лестнице вверх, и замер, вжимаясь в холодную кирпичную стену. Картина маслом.

У дощатого причала покачивался большой белый катер. На мостках растянулся мужичок в костюме, простроченный короткой очередью, а по берегу метались обе стороны, принимающая и прибывающая, в одинаковом камуфляже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.